

Подготовка Русской Арміи къ Великой Войнѣ.

I.

ПОДГОТОВКА КОМАНДНАГО СОСТАВА.

Японская война обнаружила большіе недостатки въ подготовкѣ команднаго состава. По окончаніи войны недостатка въ обличеніяхъ не было. Сводились личные счеты, разглашались различныя злоупотребленія, не безъ преувеличенія ихъ извѣстной частью печати, указывались недостатки вооруженія и снабженія, иногда далеко не такія важныя, какъ казалось изобличающимъ авторамъ, указывались недостатки тактической подготовки, пренебреженіе къ духовной сторонѣ арміи, инсценировался, какъ козель отпущенія, Портъ-Артурскій процессъ. Все это сваливалось въ общую кучу, разобраться въ которой было трудно, а авторитетнаго лица, которое могло бы это сдѣлать, классифицировать матеріалъ, продумать общія причины, которыя повели къ проигрышу войны, и дать указанія по разработкѣ данныхъ военного опыта не было.

Оно отсутствовало среди лицъ, стоявшихъ у власти. Всѣ они плыли по теченію того же мутнаго потока взбаламученныхъ страстей, хватались за тотъ или иной вопросъ, мѣшали главное съ второстепеннымъ, руководились злобой дня или взглядами вліятельныхъ лицъ, вліяніе коихъ часто было эфемернымъ, запутывались окончательно въ сферѣ взаимоперекрещивающихся стремленій и въ результатѣ — „не зная дѣлать, что надо, дѣлали, что умѣли“.

Какъ всегда, въ такихъ случаяхъ, вопросы внѣшняго соотношенія вещей выступаютъ на первый планъ, а болѣе глубокіе вопросы внутренней сути вещей остаются въ тѣни безъ вниманія. Въ войскахъ занимались гимнастикой, и недостаточно ревностное отношеніе къ этому дѣлу было причиной удаленія съ поста одного изъ военныхъ министровъ; занимались сомкнутыми ученіями и парадами, стрѣльбой и тактикой довольно примитивнаго вида, сельскимъ хозяйствомъ, измѣненіемъ формъ одежды, запутавъ этотъ вопросъ до послѣдней степени, улучшеніемъ быта и пенсіями и меньше всего тѣмъ, чѣмъ слѣдовало заняться больше всего: подготовкой команднаго состава.

Онъ дѣйствительно оказался слабо подготовленнымъ. Были не-

сомнѣнно люди умные въ житейскомъ смыслѣ и преданные дѣлу, но людей широко знавшихъ военное дѣло, обладавшихъ наклонностью къ его изученію, не ограничивавшихся обсужденіемъ явленій своего русскаго міра, но и понимавшихъ теченія заграничной военной мысли и слѣдившихъ за ними, усвоившихъ духъ военныхъ учреждений, военной организациі и подготовки къ войнѣ иностранныхъ государствъ — было очень мало.

Каждый, окончившій школу и вступившій въ жизнь, скоро поддавался ея засасывающему дѣйствию. Повседневныя заботы и искушенія становились на первый планъ. Все остальное отступало передъ этимъ и казалось нужнымъ только, какъ средство удовлетворить свои нужды и влеченія. Добытыя въ школѣ знанія часто не соотвѣтствовали казавшимся неизмѣримо болѣе важнымъ знаніямъ жизненнаго обихода. Первые часто были непримѣнны къ жизни. Практиковать ихъ приходилось рѣдко по сравненію съ знаніями жизненной практики, или и вовсе не примѣнять. Съ теченіемъ времени они забывались и частично утрачивались. Ни поддерживать эти знанія, ни приобрѣтать новыя въ такомъ-же родѣ не было интереса. Только выдающіеся по своей любознательности люди избѣгали этой участи. Остальные, приобрѣвъ жизненный опытъ, въ тоже время обладали меньшими знаніями, чѣмъ выпущенная изъ школы молодежь.

Внутренній смыслъ міровыхъ событій проходилъ для такихъ людей малопонятнымъ. Интересовались, любопытства ради, только ихъ внѣшнимъ ходомъ, какъ интересуются уличной жизнью, глядя на нее изъ окна. Для такой любознательности достаточно газетъ и они преимущественно читаются вмѣстѣ со всякой беллетристикой, иногда нездороваго свойства.

Вмѣстѣ съ охотой къ постоянному совершенствованію пропадаетъ и воля. Она заглушается повседневной „обывательской“ жизнью. Блекнетъ готовность служить на пользу общую.

Ясно, что при существованіи подобныхъ условій нигдѣ командный составъ не нуждался въ повторительной подготовкѣ больше, чѣмъ въ Россіи. Но нигдѣ эта подготовка не была осуществлена въ меньшей степени. Едва ли этотъ пробѣлъ отчетливо сознавался. Правда, уже въ теченіе нѣкотораго времени было стремленіе къ освѣженію команднаго состава, но это понималось какъ необходимость устранять пожилыхъ, больныхъ и отяжелѣвшихъ людей. Но физическая бодрость еще не доказываетъ надлежаще направленной умственной дѣятельности и наличія познаній соответствующихъ запросамъ времени. А безъ этого легко стать не болѣе какъ „гробомъ повапленнымъ“.

Никогда вопросъ освѣженія познаній команднаго состава не ставился серьезно и средствъ на это не отпускалось. И какъ было разрѣшить этотъ вопросъ, когда въ бывшее время престижъ начальствующихъ лицъ, въ силу ихъ положенія, стоялъ настолько высоко, что посадить ихъ на школьную скамью (какъ бы это ни скрашивалось) казалось невозможнымъ? Конечно, упускалось изъ вида, что цѣль, подлежащая достиженію, высока, что ради нея можно мно-

гимъ и пожертвовать, что учиться надо всю жизнь, но господствовавшіе взгляды того времени на этотъ счетъ были безапелляціонны. Да и откуда взять учителей для такихъ почтенныхъ людей, когда на верхахъ ихъ не было вслѣдствіи общаго уклада русской жизни, а примѣнить для этого болѣе молодой составъ, можетъ быть, обладающій познаніями, но лишенный жизненнаго опыта и авторитета, тоже не пристало?

Кто могъ послѣ Японской войны поднять такое дѣло и, что еще труднѣе, указать путь къ его разрѣшенію, установить — чему учить? Такихъ людей не было.*) Люди, двинушіе въ свое время военное дѣло впередъ, бывшіе для своей эпохи выдающимися людьми, сошли со сцены. Ученіе ихъ или слѣпо примѣнялось или также слѣпо отрицалось. Псевдо-учениковъ, или пользовавшихся въ невѣдѣніи даже злоупотреблявшихъ ихъ именемъ, было достаточно, но послѣдователей, учитывавшихъ новые факторы военнаго дѣла, не было. При томъ, если они и двинули въ свое время впередъ военное дѣло и многое сдѣлали, то многого и не додѣлали и пробѣлъ этотъ во время пополненъ не былъ. За ними шли, примѣняя ихъ ученіе не столько по духу, сколько по формѣ, но параллельно съ ними мало кто шелъ и много, очень много путей осталось еще неиспользованными...

Просвѣтительныя учрежденія? Но Академія Генеральнаго Штаба, имѣвшая въ свое время много талантливыхъ лицъ, изслѣдовавшихъ отрасли военнаго дѣла, уже съ начала 90-хъ годовъ пропала столбція начала терять свои научныя силы. Обученіе становилось отвлеченнымъ, связь съ жизнью терялась и дѣятельность учебнаго персонала Академіи часто и справедливо не признавалась цѣлесообразной практическими военными дѣятелями. Идеи этого персонала стояли въ сторонѣ отъ жизни и онъ самъ отъ нея отстранялся.

Уже послѣ войны 1904—5 г. въ Академіи Ген. Шт. началось новое теченіе, основанное на постановкѣ дѣла во французской Ecole Militaire. Представителемъ его была группа лицъ работоспособныхъ, отчасти даже талантливыхъ, но не пользовавшихся сочувствіемъ свыше. Они тамъ третировались какъ „младо-турки“ и, можетъ быть, это не было въ полной мѣрѣ несправедливо, т. к. въ ихъ работѣ была свѣжая струя, но была и погоня за новшествами и разрывъ съ прошлымъ. Къ тому-же они избѣгали связи съ практической жизнью, они хотѣли учить, но избѣгали учиться и не замѣчали какъ рѣка жизни ихъ обтекала и оставляла на отмели. Они были молоды, и дѣло ихъ не успѣло развиваться, но не безъ основанія можно предполагать, что въ дальнѣйшемъ, какъ и ихъ предшественники, они стояли-бы въ сторонѣ отъ жизни.

Военное дѣло нуждается не только въ теоріи, но и въ практикѣ, даже послѣдняя преобладаетъ. Нельзя быть военнымъ профес-

*) Такіе люди все равно не имѣли бы значенія при нашей системѣ поддержанія авторитетности старшихъ начальниковъ во что бы ни стало, какъ бы плохи они ни были и при недопустимости печатной критики. (Прим Ред.).

соромъ и не знать или отстать отъ практической постановки соответственной отрасли военного дѣла и не умѣть его вести, какъ нельзя, преподавая фехтованіе, ограничиться разговоромъ и не показать самому, какъ слѣдуетъ фехтовать.

Бывшій начальникъ А. - В. Ген. Шт. Конрадъ ф. Гетценсдорфъ считалъ необходимымъ принимать участіе въ командованіи одной изъ сторонъ на корпусныхъ маневрахъ. Онъ считалъ нужнымъ поддерживать связь съ жизнью. Подобное явленіе въ русской арміи было почти невысказуемо. Не только лица на высокихъ должностяхъ, но и лица на болѣе скромныхъ долж. остяхъ на это бы не пошли. Охотниковъ подвергать критикѣ авторитетъ своей псевдо непогрѣшимости было немного.

Поэтому и Академія Ген. Шт. стояла въ сторонѣ отъ жизни. Если ученики французской Ecole Militaire постоянно интересуются ея мнѣніями по различнымъ вопросамъ, то русскій Ген. Штабъ обыкновенно равнодушенъ къ мнѣніямъ своей Академіи. Въ томъ практическомъ дѣлѣ, которое въ конечномъ итогѣ каждому приходится вести, офицеръ генеральнаго штаба знаетъ, что помощи и авторитетнаго указанія онъ отъ нея не получитъ.

Послѣ войны 1904 - 5 г. было сформировано Главное Управление Генеральнаго Штаба (Г. У. Г. Ш.). Былъ созданъ специальный органъ для подготовки арміи къ войнѣ. Отъ него зависѣли вопросы организаци, разработка уставовъ и наставленій, изученіе военного дѣла и исторіи, изученіе иностранныхъ армій, примѣненіе боевого опыта, руководство специальной службой офицеровъ ген. штаба и т. п.

Г. У. Г. Ш. просуществовало до войны 8 лѣтъ. Если-бы соответственное направленіе работы было сразу вѣрно намѣчено, Г. У. Г. Ш. могло-бы принести существенную пользу. Начальникъ Г. У. Г. Ш. по своему положенію, по признаваемой за нимъ компетенціи, могъ бы многое сдѣлать, хотя несомнѣнно ему пришлось-бы выдерживать не малую борьбу съ недоброжелательствомъ различныхъ видовъ и съ рутинной. Можно было или смѣло выступить на борьбу съ препятствіями или считаться съ ними и вступать въ компромиссы. Можно было рисковать или все выиграть и потерять, или только кое чего достигнуть, почти завѣдомо рискуя опоздать къ судному дню. Можно было просто жить изо дня въ день.

За 8 лѣтъ смѣнилось 6 Нач. Ген. Шт. Изъ нихъ первый и предпоследній оставались на должности свыше двухъ лѣтъ. Нач. Ген. Шт. между ними смѣнялись одинъ за другимъ. Очевидно при такой смѣнѣ послѣдовательное веденіе дѣла становилось невозможнымъ. Краткій срокъ, назначенный судьбой для свершенія огромнаго дѣла подготовки къ новой войнѣ искусственно сокращался частой смѣной руководителей. Каковы были эти послѣдніе?

Первый Нач. Ген. Шт. ген. Палицынъ былъ человѣкомъ въ военномъ отношеніи образованнымъ. Онъ былъ основательно знакомъ съ германской военной литературой. Онъ правильно и широко понималъ военное дѣло. Его руководство полевыми поѣздками, полевой работой; его разборы маневровъ были интересны. Онъ сохра-

ниль духовныя и физическія силы. По самому свойству своего характера, онъ избѣгалъ опредѣленнаго выявленія своей личности, считался съ недоброжелателями, прибѣгалъ къ компромиссамъ, избѣгалъ занять опредѣленную и твердую позицію.

Поэтому и авторитетъ ген. Палицына прочно не установился и работа его дала сравнительно немного. Но все-же онъ оставилъ за собой слѣдъ, который не остался безъ вліянія на подготовку начальниковъ къ войнѣ.

Въ 1907 или 1908 г. имъ были изданы „Указанія по веденію военной игры“, пережившіе всѣхъ его преемниковъ и имѣвшие на подготовку начальствующихъ лицъ и офицеровъ генеральнаго штаба большее вліяніе, чѣмъ какое-бы то ни было другое наставленіе или руководство того времени. Въ нихъ были установлены методы разработки военныхъ операцій, организація маршей, употребленіе войскъ въ бою. Все это было воспроизведеніемъ германской военной доктрины и вносило порядокъ въ хаосъ разнообразныхъ и мало продуманныхъ взглядовъ того времени. Указанія явились своего рода доктриной русской арміи, хотя официально не признанной, но тѣмъ не менѣе проникавшей въ употребленіе подъ видомъ наставленія для военной игры. Между тѣмъ и послѣдняя получила значительное развитіе по сравненію съ прежнимъ.

Въ 1909 г. было издано новое Наставленіе для занятій съ офицерами*), относившееся также къ начальствующимъ лицамъ. Введеніе военной игры и полевыхъ поѣздокъ, составлявшихъ собственно ту же военную игру, перенесенную на мѣстность, становилось обязательнымъ. Поэтому „Указанія“ получили широкое распространеніе и ими часто пользовались. Другой вопросъ, насколько они были правильно поняты и усвоены. Отсутствие солиднаго военного образованія и подготовленныхъ руководителей вело часто къ примѣненію этихъ указаній съ различными искаженіями. Въ этомъ отношеніи даже преемники ген. Палицына и ихъ помощники не отличались надлежащей компетентностью**). Несоответственная постановка военной игры и полевыхъ поѣздокъ вызывала иногда даже разочарованіе въ ихъ результатахъ***). Отсутствовали также подробныя указанія по организаціи этихъ занятій****). Были помѣхи вслѣдствіе ин-

*) Частично введенное и раньше. Сходно съ германскимъ.

***) Обнаружилось на полевой поѣздкѣ 1912 г. Эта поѣздка долго была предметомъ недоумѣнія среди офицеровъ генеральнаго штаба.

****) Кіевскому округу незадолго до войны съ большимъ трудомъ были отпущены кредиты на полевую поѣздку старшихъ начальствующихъ лицъ. Въ какомъ то другомъ округѣ изъ этой поѣздки устроили „пикникъ“, какъ сообщили въ Г. У. Г. Ш.

*****) Въ этомъ отношеніи различныя военные округа работали самостоятельно. Напр. въ Кіевскомъ округѣ только черезъ 2—3 года былъ выработанъ опредѣленный методъ веденія полевыхъ поѣздокъ, состоявшій въ перенесеніи военной игры на мѣстность. Для этого прежде всего нужны телефоны. Поѣздки такимъ образомъ организованныя приносили существенную пользу.

тригъ и сведенія личныхъ счетовъ*). Но все-же во многихъ мѣстахъ къ военнымъ играмъ и полевымъ поѣздкамъ относились серьезно, даже съ увлеченіемъ. „Указанія“ усваивались все больше и больше и проникали въ среду начальствующихъ лицъ. Только не-признаніе ихъ въ качествѣ официальной доктрины и отсутствіе хорошей, идущей сверху подготовки руководителей вели къ тому, что толща команднаго состава не была проникнута ими въ полной мѣрѣ и въ ихъ примѣненіи встрѣчались отклоненія и ошибки.

Тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ руководящихъ указаній по веденію боя, отдаваемыхъ въ военныхъ округахъ, вслѣдствіе отсутствія соответственныхъ указаній свѣше, были не болѣе какъ комментаріемъ къ этимъ „указаніямъ“. Этимъ путемъ, хотя можетъ быть и съ вариантами, „Указанія“ становились достояніемъ широкихъ слоевъ арміи. Только процессъ усвоенія, вообще трудный и медленный въ русской арміи, не былъ законченъ. Онъ и не могъ быть законченъ безъ настояній и систематическаго контроля свѣше. То и другое отсутствовало.

Вліяніе „Указаній“, замѣтно было при многихъ обстоятельствахъ. Доказательства этому были многочисленны, какъ на маневрахъ мирнаго времени, такъ и во время войны.

Война 1904—5 г. и Великая Война существенно отличались по дѣйствію войскъ. Безпристрастный изслѣдователь долженъ отмѣтить эту сторону дѣла, выдѣливъ изъ нея слѣдствія, обусловленная психологической сущностью войны, ибо Японская — колониальная — война и послѣдняя — домашняя — война велись при совершенно различномъ настроеніи.

Послѣ ухода ген. Палицына осенью 1908 г. вся послѣдующая дѣятельность Г. У. Г. Ш. по привитію въ арміи надлежащихъ взглядовъ на военныя операціи была болѣе чѣмъ скромной. Даже стратегическая часть была въ запусценіи. Начальникъ Ген. Штаба скоро утратилъ свою самостоятельность и вошелъ въ подчиненіе къ Военному Министру. Это было вызвано соперничествомъ двухъ высшихъ лицъ и до извѣстной степени было правильно, ибо подобныя, свойственныя русскому характеру, соперничества заставляютъ предпочитать организаціи съ стройной системой іерархическаго начала и очень осторожно относиться къ системамъ организаціи, рассчитаннымъ на совмѣстное сотрудничество. Г. У. Г. Ш. во главѣ съ ген. Палицынымъ имѣло много случаевъ провѣрить на дѣлѣ это замѣчаніе.

Но съ другой стороны Г. У. Г. Ш. подчинилось всецѣло вліянію Военнаго Министра и личность послѣдняго стала преобладающей. Онъ-же не столько думалъ о томъ, чтобы имѣть талантливаго сотрудника, сколько опасался его вліянія. Въ результатъ происходила смѣна Нач. Ген. Шт. и подысканіе другихъ, болѣе удобныхъ и покладливыхъ, мирившихся со своимъ второстепеннымъ зна-

*) Въ 1912 году не состоялась военная игра въ Петроградѣ. въ Зимнемъ Дворцѣ. Игра была отмѣнена вслѣдствіе личныхъ счетовъ старшихъ начальствующихъ лицъ. Съѣхавшіеся участники игры должны были разѣхаться.

ченіемъ, не столько проникнутыхъ долгомъ службы, сколько цѣнив-шихъ прерогативы своего высокаго положенія*). Они тщательно отстранялись отъ всего, дававшего поводъ подозрѣвать ихъ въ интригѣ, даже отъ разрѣшенія вопросовъ серьезныхъ и нужныхъ, но съ нерасположеніемъ или недоувѣріемъ встрѣчаемыхъ свѣше.

Такова была грустная роль ген. Жилинскаго, мало соотвѣтствовавшего своему назначенію, мелочнаго, равнодушно и поверхностно относившагося къ порученному ему дѣлу. Отрицательное вліяніе ген. Жилинскаго и нѣкоторыхъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ было весьма значительно въ теченіе болѣе 2-хъ лѣтъняго управленія имъ Г. У. Г. Ш.

Незадолго передъ войной въ должность Нач. Ген. Шт. вступилъ ген. Янушкевичъ, назначенный на эту должность по случайнымъ причинамъ, первоначально всецѣло подчинившійся своему управленію, т. к. его предыдущая дѣятельность не давала ему**) возможности самостоятельно вести возложенное на него дѣло. Продолжалась прежняя повседневная, недалновидная работа, можетъ быть съ опасливой оглядкой въ сторону своихъ противниковъ, но безъ опредѣленнаго общаго плана работы, обусловленнаго общимъ положеніемъ.

Въ этотъ періодъ для продолженія дѣла, начатаго ген. Палицынымъ, почти ничего не дѣлалось, но тѣмъ не менѣе оно продолжалось въ силу инерціи. Одновременно разрабатывались и уставы.

Съ большимъ опозданіемъ были изданы разные боевые уставы и наставленія: полевой уставъ — въ 1909 г., кавал. уставъ съ наставленіемъ для боя — въ 1912 г., наставленіе для самоокапыванія — 1909 г., наставленіе для боя полевой артиллеріи — въ 1912 г., наставленіе пѣхотнаго боя — въ 1914 г. и т. д.

Изучающій эти уставы несомненно замѣтитъ, что они очень далеки отъ одного общаго направленія военной мысли, обусловленнаго доктриной.

Уставъ полевой службы и наставленіе для боя пѣхоты составляютъ отраженіе русскихъ взглядовъ, сведенныхъ механически въ одно цѣлое, безъ освѣщающей ихъ общей мысли и безъ учета общей военной обстановки, господствующей на театрѣ военныхъ дѣйствій при операціяхъ, маршахъ-маневрахъ и въ бою.

Артиллерійское наставленіе несомненно основано на французскихъ источникахъ; приложенное къ кав. уставу наставленіе для боя — на германскихъ источникахъ. Со стороны Г. У. Г. Ш. не было никакой объединяющей работы по составленію уставовъ. Были только изданы отдѣльные уставы, не отмѣченные печатью военной доктрины своего времени.

При такихъ условіяхъ и Г. У. Г. Ш. не могло быть тѣмъ авторитетомъ, который нуженъ былъ русской арміи. Ему подчинялись

*) Такой типъ старшихъ начальниковъ къ глубокому сожалѣнію былъ вообще преобладающимъ въ русской арміи. (Прим Ред.)

**) Въ неподготовленности своей ген. Янушкевичъ откровенно признавался во время войны.

какъ подчиняются всякому центральному учрежденію, ибо нужно-же было, хотя-бы внѣшнимъ образомъ, согласовать работу отдѣльныхъ частей. Къ нему обращались съ запросами, когда нужно было формально выяснитъ какой нибудь вопросъ или снять съ себя отвѣтственность за то или иное рѣшеніе. Но не къ нему шли за совѣтомъ и не у него искали разрѣшенія принципиальныхъ сомнѣній.

Самое значеніе военной доктрины не понималось или понималось превратно. За 1—2 года до войны на этотъ счетъ возникла полемика въ печати, въ скоромъ времени прекращенная, повидимому по указанію свъше. Полемизировало нѣсколько профессоровъ Академіи Генеральнаго Штаба и строевыхъ начальниковъ. Полемика обнаружила всю разногласію мнѣній, а иногда свидѣтельствовала объ извращеніи дѣла. Доктрина отрицалась, какъ опредѣленный рецептъ для дѣйствій, она выставялась, какъ антитеза частной инициативы. Нарушеніе послѣдней не допускалось. Между тѣмъ на войнѣ всегда господствуетъ какая-то общая обстановка и представляется необходимость согласованныхъ дѣйствій различныхъ организационныхъ соединеній и родовъ войскъ въ цѣляхъ наилучшаго использования военной силы. Эта обстановка и соответствующіе способы дѣйствій даннаго времени имѣютъ общія черты, которыя поддаются изученію. Ихъ можно прослѣдить на войнѣ, даже до извѣстной степени на военныхъ играхъ и полевыхъ поѣздкахъ мирнаго времени. Все это — обстановка, основные способы дѣйствій — составляютъ своего рода стихію, законамъ коей подпадаетъ каждый изъ участниковъ военныхъ операцій. Поэтому законы этой стихіи должны старательно изучаться, т. к. пренебреженіе ими сурово наказывается. Изученіе ихъ позволяетъ разработать общія правила дѣйствій на маршѣ, въ бою и т. д. Ихъ всѣ должны знать и примѣняться къ нимъ. Это и составляетъ военную доктрину, которой долженъ быть проникнутъ личный составъ и которая послужитъ путеводной звѣздой тамъ, гдѣ рѣшеніе приходится искать только въ себѣ самомъ. А такая участь несомнѣнно выпадаетъ на долю каждаго.

Слѣдствіемъ привитія военной доктрины является взаимное пониманіе, а послѣднее порождаетъ взаимное довѣріе. Въ военное время это огромная сила, координирующая всѣ усилія.

Доктрина должна ограничиваться изученіемъ общей обстановки, общихъ способовъ дѣйствій и не переходить въ частности. Иначе она мертвитъ дѣло, создаетъ рецепты дѣйствій, убиваетъ инициативу. Она должна больше отвѣчать на вопросъ „что дѣлать“, чѣмъ на вопросъ „какъ дѣлать“.

При измѣненіи общихъ условій военныхъ дѣйствій доктрина можетъ быть изжита и становится тогда вредной. При здравой доктринѣ для самодѣятельности остается огромное поле дѣятельности, къ тому-же облегченной уразумѣніемъ интересовъ цѣлаго. Кто участвуетъ въ общемъ предпріятіи не можетъ безъ этого обойтись безъ риска принести вредъ общему дѣлу. Доктрина облегчаетъ и регулируетъ проявленіе частной инициативы.

Доктрина помогаетъ и изученію военныхъ вопросовъ въ мир-

ное время. Ея роль въ этомъ отношеніи аналогична значенію гипотезъ въ наукѣ. Она даетъ общее направленіе военной мысли.

Въ разработкѣ вопроса о военной доктринѣ Г. У. Г. Ш. умыло руки. Оно едва-ли подозрѣвало, что въ русской арміи доктрина нарастаетъ и соотѣтственными мѣрами можно было облегчить ея ростъ и устранить кризисы, свойственные вообще всякому росту. Но, несмотря на отсутствіе руководства со стороны Г. У. Г. Ш., жизнь уже получила толчекъ и шла своими путями.

Русская военная литература издавна не отличалась глубокимъ обсужденіемъ вопросовъ военного дѣла. Послѣ расцвѣта 60—80 г. прошлаго столѣтія она понемногу мельчала и перешла главнымъ образомъ на обсужденіе вопросовъ повседневнаго быта и злобы дня.*) По окончаніи Японской войны не нашлось литературнаго наслѣдства, которое дало-бы основы для освѣщенія ошибокъ и причинъ неудачъ этой войны. Пришлось обратиться къ иностранной, преимущественно германской военной литературѣ.

Было переведено много германскихъ военныхъ сочиненій, выяснявшихъ различные вопросы стратегіи или тактики или служившихъ руководствомъ для веденія военныхъ игръ и полевыхъ поѣздокъ. Переводились на русский языкъ и германскіе уставы. Все это воспринималось отчасти правильно, отчасти съ искаженіями. Германскіе уставы написаны съ учетомъ общей господствующей въ военное время обстановки и читать ихъ, не понимая той обстановки, которую имѣетъ въ виду уставъ, невозможно. И въ дѣйствительности положенія этихъ уставовъ не всегда понимались и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, легкомысленно критиковались. Такая критика встрѣчалась и со стороны старшихъ начальствующихъ лицъ, хотя въ дѣятельности послѣднихъ иногда можно было прослѣдить, какъ они, руководясь здравымъ смысломъ, воспроизводили въ чистомъ видѣ германскую доктрину.

Весь этотъ матеріалъ, хотя и усвоенный въ недостаточной мѣрѣ и не всегда съ полнымъ пониманіемъ дѣла, тѣмъ не менѣе накапливалъ запасъ свѣдѣній въ массѣ команднаго состава въ духѣ германской военной доктрины. Упомянутыя выше „Указанія по веденію военной игры“ давали извѣстную канву, на которой откладывались эти новыя свѣдѣнія. Наконецъ, тѣ же источники служили основаніемъ штабамъ различныхъ военныхъ округовъ и даже низшимъ штабамъ для отданія руководящихъ приказовъ по различнымъ тактическимъ и боевымъ вопросамъ, подъ видомъ указанія для веденія занятій.

Приказы эти въ большомъ количествѣ стали появляться черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи войны 1904—5 г., въ нихъ съ большей или меньшей полнотой давались указанія о тактическихъ и бое-

*) Причина тому — полный запретъ критики даже самой благожелательной (системы ген. Ванновскаго а позже Сухомлинова). Напр., официальная исторія Турецкой войны 1877—78 г. не была закончена до 1905 г. и армія въ теченіе 25 лѣтъ не знала своего же послѣдняго опыта. (Прим. Ред.)

выхъ дѣйствіяхъ различныхъ родовъ оружія. Всѣ они составляли болѣе или менѣе вѣрное отраженіе германской военной доктрины, дополненной личнымъ опытомъ съ печатью собственныхъ наклонностей и поэтому не были чужды односторонности. Всѣ они говорили о многомъ, но о многомъ и умалчивали по невѣдѣнію или умышленно, чтобы не стать въ противорѣчіе съ существующими уставами. Всѣ они удовлетворяли до извѣстной степени возникшей потребности, но едва ли были въ состояніи вдохнуть и разжечь въ арміи тотъ духъ, который свойственъ общей доктринѣ, проникающей весь армейскій организмъ. Они кое что дополняли, но многого не додѣлывали. Они вносили разнообразіе въ дѣло, въ которомъ должно господствовать полное единство. На войнѣ можно прослѣдить картину дѣйствій войскъ по округамъ. Гдѣ были войска одного округа, серьезно работавшаго въ мирное время (иногда имѣвшаго вліяніе и на сосѣдніе округа), тамъ и работа военного времени шла успѣшнѣе и глаже. Войска изъ различныхъ округовъ часто отличались разнообразной подготовкой и малой согласованностью дѣйствій. Это крайне нежелательно, т. к. войска при военныхъ дѣйствіяхъ неизбѣжно перемѣшиваются. По опыту войны даже не корпуса, а дивизіи являются единственно устойчивыми единицами.

Отсутствіе объединительной работы свѣше отчасти оправдывало такую дѣятельность: пустоту нужно было заполнить. Но путаница также чувствовалась. Не всѣ были одинаково компетентны. Бывали указанія собственнаго малопродуманнаго опыта. Были и случаи неосторожнаго отрицанія уставныхъ положеній, „по ту сторону“ коихъ пытались стать. Не послѣднее значеніе имѣло и то обстоятельство, что подобная дѣятельность служила укоромъ центральнымъ управленіямъ, не выполнявшимъ своего назначенія по инструктированію арміи. Въ концѣ концовъ было предложено свѣше руководиться уставами, не мѣнять и не толковать ихъ по своему усмотрѣнію. Но т. к. потребность не была при этомъ удовлетворена, то описанная выше дѣятельность, если не въ письменной, то въ устной формѣ продолжалась. Разборы военныхъ игръ, полевыхъ поѣздокъ и маневровъ давали этому полный просторъ.

Если подвести итогъ всѣмъ этимъ начинаніямъ, то нельзя не прийти къ заключенію, что у русской арміи была извѣстная доктрина, ближе всего приближавшаяся къ германской. Она проникала въ толщу арміи различными путями и еще не была понята и усвоена должнымъ образомъ. Относились къ ней иногда поверхностно, не дѣлали изъ нея тѣхъ выводовъ, которые слѣдовало бы сдѣлать для проведенія ея въ жизнь и полного осуществленія, дополняли ее собственнымъ мало продуманнымъ опытомъ, односторонне его примѣняя, или на основаніи того же опыта кое-что въ ней отрицали, но все же эта доктрина существовала и армія, пока была въ состояніи, какъ это было въ началѣ войны, ей слѣдовала. Но осуществленіе доктрины зависитъ не только отъ накопленныхъ духовныхъ силъ, но и отъ матеріальныхъ средствъ. Когда они отсутствуютъ, осуществленіе

доктрины замираетъ. Но она не была погашена и въ 1916 г. ея сознаніе опять ярко проявилось.

Одновременно съ работой по развитію военныхъ знаній у команднаго состава дѣлались попытки къ развитію частной инициативы. Въ 1908 г. былъ изданъ на этотъ предметъ соотвѣтственный приказъ по Военному Вѣдомству. Къ сожалѣнію, въ такомъ дѣлѣ мало одного добраго желанія и официальнаго признанія значенія инициативы. Нужно, чтобы служебныя условія соотвѣтствовали развитію самодѣятельности. Это было далеко не вездѣ. Кругъ отвѣтственности каждаго начальника не былъ опредѣленно установленъ: старшій отвѣчалъ во всѣхъ отношеніяхъ за младшаго. Въ результатѣ старшій считалъ себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣятельность младшаго и давать ему подробныя инструкціи, дабы исключить ошибки съ его стороны и этимъ устранить возможность отвѣчать за подчиненнаго. Лучшимъ начальникомъ всегда считался тотъ, кто съ постоянной назойливой настойчивостью проникалъ во всѣ служебныя отношенія, всѣмъ руководилъ, все дѣлалъ. Иногда считалось достаточнымъ смѣнить начальника, чтобы дѣла, какъ по волшебству, приняли другой оборотъ, не вникая въ то, что это возможно путемъ личной работы начальника во всѣхъ мелочахъ и полного подавленія воли подчиненныхъ. Именно такіе начальники считались образцовыми и всячески поощрялись.

Такимъ образомъ, признавая въ теоріи значеніе частной инициативы, въ тоже время на практикѣ дѣлали нѣчто противоположное тому, что надо для ея достиженія.

Однако и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, жизнь шла своей особой дорогой и получалось что-то другое, обычно ускользавшее отъ властей, претендовавшихъ на руководство. Прежде всего цѣлые роды оружія, какъ артиллерія, техническіе роды оружія и т. п., въ которыхъ служба не была такъ строго регламентирована и служебныя дѣла требовали не только исполнительности, но и соображенія, инициатива всегда существовала. Живая дѣятельная служба кавалеріи вырабатывала также далеко не лишенный инициативы командный составъ.

Затѣмъ отсутствіе систематическаго духа, вообще свойственнаго русскому характеру, вело къ тому, что требованія рѣдко проводились съ неуклоннымъ педантизмомъ. Это обстоятельство открывало каждому, даже въ пѣхотѣ, извѣстную сферу дѣятельности и нерѣдко довольно просторную.

Въ штабахъ также служебныя мнѣнія вырабатывались и высказывались свободно.

Инициатива далеко не была подавлена въ русской арміи и во многихъ случаяхъ это доказано войной. Здравый смыслъ, вообще свойственный русскому, при отсутствіи систематическаго угнетенія, проявлялся въ подходящихъ случаяхъ и подказывалъ нужныя рѣшенія. Притомъ на войнѣ цѣнился больше всего успѣхъ и всякое дѣйствіе, которое вело къ нему, уже заранѣе было оправдано. Это обстоятельство также благоприятствовало проявленію инициативы.

Отрицательное значеніе въ отношеніи проявленія инициативы имѣло другое обстоятельство: недостаточность тактическаго образованія. Человѣкъ только тогда можетъ правильно разсуждать и примѣняться къ обстоятельствамъ, если онъ понимаетъ дѣло. Въ отрицательномъ случаѣ, при обстановкѣ, превышающей его разумніе, онъ будетъ дѣйствовать произвольно или по извѣстнымъ шаблонамъ, будетъ искать опоры въ указаніяхъ свѣше и вообще неспособенъ дѣйствовать въ духѣ разумной инициативы. Это обстоятельство имѣло въ русской арміи болѣе существенное значеніе, чѣмъ все остальное.

Въ настоящее время отъ команднаго состава требуется нѣчто большее, чѣмъ знаніе военнаго дѣла въ той стадіи его развитія, въ которомъ застала война. Въ теченіе современной войны могутъ выработываться новые способы дѣйствій, частью вслѣдствіе выясненія на опытѣ различныхъ сторонъ военнаго дѣла, частью вслѣдствіе вліянія техники, дѣлающей подѣ давлениемъ условій военнаго времени большіе скачки впередъ. Командный составъ долженъ быть въ состояніи учесть всѣ эти вліянія, сдѣлать изъ нихъ правильные выводы, преподать войскамъ нужные методы дѣйствій, организовать ихъ обученіе и снабженіе и т. д. Всѣ эти указанія должны быть принаровнены къ обстановкѣ даннаго театра военныхъ дѣйствій и имѣть глубоко практическій смыслъ. Работа французскаго командованія въ этомъ отношеніи извѣстна. Можетъ быть она не отличалась проницательностью, шла оцупью, дѣлались ошибки. Но работа шла неустанно, послѣдовательно и въ концѣ концовъ дала результаты. Французское командованіе обладало способностью наблюденія и яснаго, безпристрастнаго мышленія на основаніи первоисточниковъ*).

Съ грустью слѣдуетъ признать, что русское командованіе не было подготовлено къ такой работѣ. Оно не было въ состояніи разобраться въ сложныхъ явленіяхъ военнаго времени, вывести изъ нихъ логическія заключенія и энергично осуществить необходимыя мѣры.

Лица, стоявшія во главѣ русскаго командованія, пропустили и оставили незамѣченной всю работу иностранныхъ армій въ 80—90 годахъ прошлаго столѣтія, выразившуюся въ переработкѣ ихъ полевыхъ уставовъ, въ новой постановкѣ вопроса о маршахъ, встрѣчномъ боѣ и т. п. Даже новѣйшія изданія русскаго полевого устава не учитывали всей этой подготовки. Они оказались неподготовленными для разработки опыта Японской войны. Отсутствие школы и подготовки умовъ къ научному мышленію сказывалось на каждомъ шагѣ. Доступные пониманію видимые признаки служили канвой всѣхъ обсужденій, внутренняго сторона ускользала. Судили о томъ, что произошло, а не о томъ, чего не доставало. Въ результатѣ опытъ

* Работа эта изложена кратко въ статьѣ проф. Головина. „Современная война и красная всоруженная сила“ (№ 3 „Воен. Сб.“).

Японской войны далъ мало. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ больше пошелъ на пользу иностранныхъ, чѣмъ русской арміи. Значеніе тяжелой артиллеріи, ближняго пѣхотнаго боя (Портъ-Артуръ), сопровожденіе пѣхоты въ атаку артиллеріей, даже значеніе фортификаціи, веденіе борьбы за укрѣпленныя позиціи и многое другое не было изслѣдовано и какъ слѣдуетъ истолковано. Все это было понято, когда въ переработанномъ видѣ вернулось изъ Германіи, отчасти въ видѣ поученій мирнаго, отчасти въ видѣ поученій военнаго времени. Потребовался наглядный показательный урокъ и заграничный ярлыкъ *Made in Germany*, чтобы уразумѣть то, что можно было понять уже по уроку войны 1904—5 г. и по собственнымъ выводамъ изъ нея. Здѣсь-же сказалась особенность мышленія того времени, состоявшая въ установленіи теоретическихъ положеній безъ дальнѣйшаго стремленія перевести ихъ на практику и повѣрить ихъ примѣненіе. Практики чуждались. Это вело къ потерѣ чувства дѣйствительности, къ притупленію сознанія, что дѣйствительно имѣетъ цѣнность и значеніе и что представляется болѣе или менѣе празднымъ измышленіемъ. Русскій командный составъ вслѣдствіе этого никогда не умѣлъ отдѣлать жизненныхъ предложеній отъ измышленій всякаго рода и подпадалъ вліянію прожекторовъ, часто затмѣвавшихъ дѣльныхъ людей.

Подобная неподготовленность и неумѣніе жить своимъ умомъ заставляли обращаться къ заграничнымъ источникамъ. Особенное значеніе имѣли руководства изъ Германіи, пользовавшейся большимъ престижемъ послѣ ея счастливыхъ войнъ. Они часто не понимались, но все-же считались кладями непогрѣшимой мудрости. Это подчиняло русскую мысль германской, подчиняло слѣпо, безъ критики. Тутъ не было согласія между единомышленниками, скорѣе получалось впечатлѣніе поклоненія малосвѣдущаго болѣе опытному и знающему. Свои самобытные пути и самостоятельная мысль ступевывались. Германія возвеличивалась, становилась на пьедесталъ, казалась чѣмъ то высшимъ и лучшимъ по сравненію со своимъ. Ее почти боялись и тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше понимали. Русская психика по отношенію къ будущему противнику подавлялась. Правда, были и противоположныя мнѣнія, но такія-же необоснованныя, какъ и чрезмѣрное поклоненіе. Серьезное изученіе отсутствовало. Слабыя и сильныя стороны Германіи (см. напр. книгу Людендорфа) были мало выяснены. Планъ войны разрабатывался шаблонно, не зная ихъ. Политическія и экономическія условія учитывались поверхностно. Среди команднаго состава не было лицъ, компетентныхъ въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ. Уже послѣ первыхъ успѣховъ и достиженій выяснилось, что дальнѣйшаго плана собственно не было. Началось бесполезное мотаніе войскъ, наступленіе съ необезпеченными флангами... Нѣкоторые тайные документы, заключавшіе результатъ германскихъ военныхъ игръ и полевыхъ поѣздокъ, пріоткрывали отчасти завѣсу о планахъ противника. Но они оставались неизученными,* а иногда даже неизвѣстными лицамъ, на коихъ предпола-

*) Сраженіе у Таненберга.

лось возложить обязанности по главному командованію. Можно прямо поражаться, что нѣкоторыя свѣдѣнія, заключавшія чуть не цѣлое откровеніе, оставались въ пренебреженіи. Съ непонятнымъ ослѣпленіемъ шли мимо нихъ.

Конечно, вся такая подготовка, весь подобный и психическій умственный складъ высшаго команднаго состава цѣликомъ отразились при дѣйствіяхъ въ военное время. Отсутствие ясной военной мысли и творчества чувствовались на каждомъ шагу. Когда въ 1915 г. выяснилось значеніе „барабаннаго огня“ тяжелой артиллеріи, въ русской арміи продолжались прежніе методы обороны. Передніе окопы по прежнему набивались людьми, безъ пользы приносимыми въ жертву. Когда въ 1916 г. противникъ перешелъ къ новому способу обороны, перенеся ея центр тяжести назадъ, русская армія, поглощенная весенними успѣхами и не отдавая себѣ отчета въ ихъ причинахъ, продолжала готовить атаку первыхъ линій и брать ихъ, подвергаясь при этомъ разстрѣлу и неудачамъ.

Это же неумѣніе разбираться въ дѣлахъ и мыслить по первоисточникамъ, эта бѣдность мысли приводили къ изданію нежизненныхъ или даже вредныхъ боевыхъ инструкцій и руководящихъ указаний. Такъ въ одной изъ инструкцій рекомендовалось примѣненіе „Суворовскихъ колоннъ“ при атакахъ. Ее тщательно прятали отъ войскъ понимавшіе дѣло начальники, но были и случаи ея примѣненія, сопровождавшіеся катастрофами. Лучшія инструкціи были иностраннаго происхожденія, но при этомъ часто отсутствовало приспособленіе ихъ къ русскому театру военныхъ дѣйствій, значительно уменьшавшее практическое значеніе многихъ изъ этихъ инструкцій. Какъ напр. можно было требовать примѣненія заградительнаго огня, когда дивизіи занимали фронтъ въ 15, а то и 30 верстъ, и имѣли всего шесть батарей? Или требовать сооруженія большаго числа солидныхъ безопасныхъ убѣжищъ, когда не было перевозочныхъ средствъ для доставки нужныхъ матеріаловъ? Подобныхъ примѣровъ было множество.

Много указаний отдавалось *post factum*. Командованіе имѣло возможность предупредить какую либо ошибку, но этого не дѣлало, а затѣмъ разражалось упреками и сѣтованіями, когда дѣло оканчивалось неудачей или даже катастрофой. Весеннее наступленіе въ 1916 г. у оз. Нарочь было организовано плохо. Большая часть вины въ этомъ лежитъ несомнѣнно на главномъ командованіи, не оцѣнившимъ невозможность оказать такимъ способомъ помощи союзникамъ и не имѣвшимъ мужества противодѣйствовать бесполезному пролитію крови и пожертвованію свыше 100/т. жизней „soldats inconnus“. Но и второстепенные начальники сдѣлали много ошибокъ, которыя могли быть предупреждены главнымъ командованіемъ. Оно этого не сдѣлало, а вмѣсто этого осудило ошибки уже послѣ катастрофы, снимая этимъ съ себя до извѣстной степени отвѣтственность за происшедшее. Въ Мартѣ 1917 г. германцы атаковали выдвинутую впереди р. Стоходъ позицію, своего рода тетъ-де-понъ.*) Раз-

*) Червищенскій тетъ-де-понъ.

ложение въ войскахъ въ то время уже началось. Надлежащаго упорства оказано не было и войска, расположенныя впереди рѣки, потерпѣли тяжелое поражение. Отъ главнаго командованія немедленно послѣдовали указанія о частомъ занятіи несоотвѣтственныхъ позицій, составлявшихъ послѣднія мѣста, до которыхъ дошелъ бой, о неумѣннй занимать по окончаніи боевъ болѣе выгодныя для обороны мѣстные рубежи, съ цѣлью поставить войска въ болѣе сносное положеніе и т. п. Все это было правда, но частныя начальники, изъ нежеланія отдать приказъ объ отходѣ, всегда для нихъ затруднительный, и заслужить этимъ осужденіе того-же высшаго командованія предпочитали удерживать самыя нелѣпыя и опасныя въ тактическомъ отношеніи позиціи. Единственно главное командованіе могло прикрыть такой цѣлесообразный отходъ своимъ авторитетомъ и отдать соотвѣтственное распоряженіе. Оно этого не дѣлало, хотя всѣ подобныя мѣста на фронтѣ были ему извѣстны. Оно заявляло о своемъ мнѣніи только послѣ катастрофы, находя при этомъ и виновныхъ для расплаты за нее.

Извѣстно отступленіе германской арміи ранней весной 1917 г. на французскомъ фронтѣ и выгоды, какія оно принесло. Германское главное командованіе дѣйствовало съ расчетомъ и мужественно. Русское главное командованіе не было способно на такой шагъ.

Закоуу полнаго напряженія силъ при началѣ какой либо операціи главное командованіе не слѣдовало. Лѣтнее и осеннее наступленіе въ 1916 г. началось съ недостаточными силами. Только впослѣдствіи эти силы находились. Наиболѣе характерно это сказалось при дѣйствіи въ Румыніи, когда силы нашлись, но только для парированія надвигавшагося несчастья.

Вся кампанія 1916 г. была доказательствомъ шаблоннаго и поверхностнаго строя мысли русскаго командованія. Она заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особаго разсмотрѣнія. Здѣсь не мѣсто этому.

Достаточно отмѣтить тотъ вредъ, который могутъ принести дѣлу люди, хотя можетъ быть работоспособные, почтенные и могущіе принести пользу въ другихъ отрасляхъ военной, но только не полководческой дѣятельности. Интересно отмѣтить при этомъ и заблужденіе общественнаго мнѣнія, судившаго такихъ людей по признакамъ менѣе всего примѣнимымъ для оцѣнки полководческой дѣятельности. И до такой степени заблужденіе было велико, что бьющіе въ глаза факты военныхъ неудачъ, обусловленныхъ ненадлежащимъ общимъ управленіемъ, не измѣнили настроенія общественнаго мнѣнія. До такой степени оно было некомпетентно и не подготовлено.

Не было лишено командованіе честолюбія и тщеславія, заставлявшихъ преслѣдовать цѣли, не имѣвшія военнаго значенія, исключительно въ видахъ заслужить расположеніе общественнаго мнѣнія. И чѣмъ меньше было дѣйствительныхъ успѣховъ, тѣмъ чаще преслѣдовались подобныя цѣли. Такія стремленія вели къ тому, что цѣвилась не доблесть, а успѣхъ. Это развивало очень опасную тенденцію въ арміи гоняться за легкимъ успѣхомъ, преувеличивать

его, а при отсутствіи даже прибѣгать къ фальсификаціи.

Въ итогѣ самоотверженная работа армии въ 1916 г. не дала того, что могла дать. Огромныя, часто бесполезно принесенныя жертвы, вызвали утомленіе и упадокъ духа. Впереди предвидѣлись такія-же жертвы, равнодушное отношеніе къ нимъ свыше, неумѣлость командованія... Создавалась благопріятная почва для революціонной пропаганды и дѣятельности различныхъ лицъ „окопавшихся въ тылу“ и принимавшихъ всѣ возможныя мѣры чтобы, прикрываясь даже идеалистическими стремленіями, не попасть на фронтъ. Эта пропаганда не могла не найти отзвука и въ тѣхъ, кто на томъ-же фронтѣ такъ обильно и часто такъ безцѣльно проливалъ свою кровь, въ комъ возобладало горькое сознаніе, что общество, вкупе съ стоящими во главѣ командованія лицами, требуетъ только жертвъ, не цѣнитъ подвиговъ и не способно установить хотя-бы элементарную справедливость и равномѣрное несеніе военныхъ тяготъ. Это настроеніе было одной изъ причинъ русской революціи и ея быстрого разрушительнаго развитія. Исторія несомнѣнно отмѣтитъ отвѣтственность въ этомъ отношеніи и командованія.

Трудно перечислить несовершенства и обычныя ошибки русскаго командованія при тактическихъ и боевыхъ дѣйствіяхъ. Мы постараемся отмѣтить только нѣкоторыя изъ нихъ, имѣвшія наибольшее значеніе.

Походные марши были разработаны мало. Наибольше привился маршъ дивизионными колоннами. Ходить болѣе крупными колоннами корпусными, а тѣмъ болѣе вести по одной дорогѣ два корпуса, не умѣли. Во время Галиційской операціи 1914 г. извѣстенъ случай, когда корпусъ 3-хъ див. состава получилъ для марша широкое перво-классное шоссе и другую обыкновенную дорогу. Проще всего было организовать маршъ, пустивъ по обыкновенной дорогѣ одну дивизию, а двѣ другія повести по шоссе, принявъ мѣры къ сокращенію глубины колонны, или направивъ по шоссе двѣ дивизионныя колонны рядомъ. вмѣсто этого на каждую изъ укзанныхъ выше дорогъ было направлено по одной дивизіи, а третью дивизию пустили по полевой дорогѣ, которую приходилось во многихъ мѣстахъ заново разрабатывать.

Относительно удаленія авангардовъ взгляды стали нѣсколько однообразнѣе, но по прежнему встрѣчались случаи высылки авангардовъ на разстояніе, равное глубинѣ колонны. Роль авангардовъ и передовыхъ частей при завязкѣ боя не была выяснена и усвоена въ должной мѣрѣ, авангарды дѣйствовали въ общемъ пассивно. Марши регулировались не по авангардамъ, а по главнымъ силамъ.

Маршъ рѣдко носилъ въ себѣ идею боя. Рѣдко можно было напр. встрѣтить сгущеніе или усиленіе состава колоннъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ предполагалось нанести ударъ. Въ 1914 и часто даже въ 1915 году корпуса атаквали въ назначенныхъ имъ участкахъ,

распределенныхъ довольно равномерно и усиляемыхъ другими войсками уже во время хода боя, перемѣщая для этого войска съ другихъ участковъ, откуда только можно было ихъ взять. Только въ 1916 г. замѣчается концентрація войскъ въ зависимости отъ намѣчаемыхъ цѣлей дѣйствія.

Подходъ къ полю сраженія обыкновенно ничѣмъ не отличался отъ марша на остальномъ протяженіи. Марши отступательные организовывались обычно, какъ и обыкновенные марши.

Раіоны марша нарѣзывались поверхностно безъ соображенія съ направлениемъ путей. Бывали случаи оставленія войскъ при отступленіи безъ дорогъ и неиспользованія всѣхъ возможныхъ путей слѣдованія вслѣдствіе пересѣченія условными „границами раіоновъ“ имѣющихся путей.

Составленіе колоннъ производилось неумѣло, Приемы, принятые въ иностранныхъ арміяхъ, отчасти примѣнялись, но не были истолкованы должнымъ образомъ. На начальные пункты марша приходили одновременно и столплялись на нихъ, не умѣя сдѣлать расчетъ и подойти ко времени сообразно мѣсту, занимаемому въ колоннѣ. Привалы дѣлались непрактично, не распределяя ихъ по глубинѣ колоннъ. Малые привалы дѣлались каждый часъ для всей колонны сразу, что во многихъ отношеніяхъ неудобно. Равномѣрность движенія не поддерживалась. Въ результатѣ люди и лошади заматывались, силы ихъ мало сберегались и армія теряла способность къ быстрымъ и продолжительнымъ маршамъ. Если это не всегда замѣчалось, то вслѣдствіе обычнаго примѣненія сравнительно неглубокихъ дивизионныхъ колоннъ*).

Порядокъ отданія приказовъ о маршахъ не соответствовалъ сущности дѣла. Необходимое для организациіи вообще марша нѣсколькихъ колоннъ смѣшивалось собственно съ распоряженіями колонныхъ начальниковъ. Это безъ пользы ограничивало начальниковъ колоннъ въ ихъ дѣятельности и задерживало отдачу приказаній. Послѣдніе вообще отдавались медленно.

Въ результатѣ русская армія едва-ли не утратила отличавшую ее раньше способность къ быстрымъ и продолжительнымъ маршамъ.

Слабыя стороны примѣняемаго въ настоящее время марша-маневра, какъ-то: неповоротливость всего порядка, трудность защиты отъ фланговаго удара, опасность отъ наступленія на неразвернутыя колонны изготовившагося къ бою противника и т. п. не были извѣстны и изучены должнымъ образомъ.

Къ встрѣчнымъ боямъ армія была подготовлена мало. Они неизмѣнно, правда, практиковались на маневрахъ, но всегда съ тѣми-же ошибками. Самая суть ихъ, состоящая въ смѣломъ захватѣ мѣстныхъ предметовъ, дающихъ выгодныя условія для развертыванія въ

*) Слѣдуетъ замѣтить, что русская 16-ти батал дивизія, съ которой вы тупили на войну, едва-ли не составляла ту единицу марша для плохихъ дорогъ, которую германскій корпусъ составлялъ для хорошихъ дорогъ. Использование дорожной сѣти при этомъ достигалось довольно полное

цѣляхъ созданія выгоднаго положенія для наступленія и атаки, не была понята въ должный мѣръ.

Примѣненіе различныхъ видовъ боя сообразно преслѣдуемому плану, сознательное распредѣленіе войскъ въ зависимости отъ задачъ и видовъ боя; то или иное насыщеніе боевыхъ участковъ войсками соснавались мало, равно какъ и необходимость упредить противника въ нанесеніи удара и разрѣшить этимъ кризисъ боя. Бои разыгрывались хаотично со спѣшными мѣрами противодѣйствія тамъ, гдѣ это оказывалось нужнымъ по обстоятельствамъ дѣла.

Сбору свѣдѣній о противникѣ придавалось весьма часто преувеличенное значеніе. Были, напр., порицанія за атаки, встрѣтившіяся съ резервами противника, за то, что предварительной развѣдкой не было выяснено мѣсто расположенія этихъ резервовъ.

Резервамъ придавалось какое-то особое значеніе. Цѣнилось больше всего ихъ наличіе, а не своевременный вводъ въ дѣло. Иногда требовалось ихъ искусственное образованіе, въ ущербъ боевой части, мотивируя это „необходимостью имѣть для наступленія сильныя резервы“ и не понимая того, что участки, на кои выпали наступательныя задачи, должны быть насыщены войсками для образованія боевой части надлежащей силы и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточныхъ резервовъ для постояннаго ея поддержанія и пополненія потерь.

Погрѣшности противъ германскаго правила: „резервы конечно нужны, но нѣтъ болѣе грубой ошибки какъ имѣть слабую боевую часть.“—встрѣчались часто. А между тѣмъ именно эти погрѣшности были одной изъ причинъ неудачъ при Японской войнѣ. Они давали возможность разбивать боевой порядокъ по частямъ. Это возможно не только въ стратегіи, но и въ области тактики.

Часто не соблюдалось назначеніе на боевые участки сразу достаточнаго количества войскъ.

Удаленіе резервовъ, не дававшее возможности своевременно вести ихъ въ бой, было одной изъ ходячихъ ошибокъ. Онѣ были весьма часты не только въ началѣ, но и въ концѣ войны. Вообще правило, что „не присутствующія, а дѣйствующія войска рѣшаютъ участь боя“ въ сознаніи не ослѣло.

Наставленіемъ для боя, приложеннымъ къ полевому уставу, смѣна войскъ въ бою не допускалась. Это правило совершенно вѣрно для прежнихъ сравнительно кратковременныхъ боевъ, но при настоящихъ длительныхъ бояхъ оно непримѣнимо безъ нарушенія энергіи дѣйствій. Приемы такой смѣны не были разработаны и не примѣнялись. Это одна изъ причинъ быстраго прекращенія наступленія русскихъ войскъ уже послѣ первыхъ успѣховъ.

Какъ это ни странно, но въ фортификаціонномъ отношеніи Русская армія вышла на войну неподготовленной. Опытъ Японской войны былъ забытъ. Искусству укрѣплять позиціи учились во время войны уже у германцевъ. Сильныя загражденія, фланговый пулеметный огонь, солидныя безопасныя убѣжища, заградительный огонь, расположеніе позицій на обратныхъ скатахъ и т. д. все взято отъ

нихъ, а не изъ собственнаго опыта. Лопату цѣнили, но какъ средство доставлявшее укрытіе, а не какъ орудіе, которымъ можно подготовить основательно организованную позицію. Только съ 1915 г. началось созданіе укрѣпленныхъ позицій, якобы по германскимъ образцамъ. Въ дѣйствительности устраиваемыя позиціи представляли лишь слабое подобіе послѣднихъ. Длинные участки, отсутствіе матеріаловъ и перевозочныхъ средствъ не давали возможности слѣдовать образцамъ. Добиться примѣненія фланговаго пулеметнаго огня было нелегко: по рутинѣ предпочитали фронтальный огонь съ разсѣиваніемъ. Сказывалось и нежеланіе исполнять тяжелыя работы и пренебреженіе ими въ спокойное время, безъ предусмотрительности въ отношеніи возможныхъ тяжелыхъ послѣдствій.

Ни оборонять, ни атаковать укрѣпленныхъ позицій не умѣли съ должнымъ искусствомъ. Съ этимъ вышли на войну, а при ея ходѣ дѣло это мало подвинулось впередъ. Переносъ обороны на заднія линіи не примѣнялся или примѣнялся мало. Къ атакѣ позицій, занятыхъ подобнымъ образомъ, также не примѣнились: вся вторая половина кампаніи 1916 г. служить этому доказательствомъ.

Какъ извѣстно, Шлихтинъ, разбирая въ своихъ сочиненіяхъ опытъ Плевны, указалъ, что наличіе укрѣпленной позиціи вызываетъ для овладѣнія ею необходимость примѣненія тяжелой артиллеріи. Ея отсутствіе было причиной русскихъ неудачъ. Опытъ Японской войны только подтвердилъ эти выводы. Въ зависимости отъ этого, а также отъ свойствъ западнаго театра военныхъ дѣйствій, германцы серьезно учли этотъ вопросъ, снабдили свои корпуса тяжелой артиллеріей и кромѣ того имѣли большой ея резервъ въ распоряженіи главнаго командованія. Россія и Франція не отнеслись къ этому вопросу съ должнымъ вниманіемъ. Результаты извѣстны. Огромное развитіе тяжелой артиллеріи въ теченіе послѣдней войны ясно показало правильность германскаго взгляда. Особенно недооцѣнили значеніе крупныхъ калибровъ, хотя единственно русскіе имѣли въ въ этомъ отношеніи опытъ (Портъ Артуръ).

Примѣненіе артиллеріи къ атакѣ укрѣпленныхъ позицій часто дѣлалось безъ расчета и въ нужномъ количествѣ она не придавалась. Весенній успѣхъ 1916 г. приписали значенію тяжелой артиллеріи, хотя несомнѣнно главной его причиной были свойства Австро-Венгерской арміи. Съ расчетомъ на ту же сравнительно слабую артиллерію продолжались бои по прорыву укрѣпленныхъ позицій, скоро переставшіе быть удачными. Отдать себѣ отчетъ въ этомъ не сумѣли.

Со всѣми начинаніями русскаго командованія по прорыву укрѣпленныхъ позицій интересно сопоставить дѣйствія германскаго командованія, рѣшавшаго ту же задачу въ 1918 г. и достигшаго, кромѣ надлежащаго примѣненія артиллеріи, также внезапности въ дѣлѣ, требовавшемъ огромной подготовки.

Сопровожденіе пѣхоты въ атаку артиллеріей, кромѣ обычной стрѣльбы артиллеріи съ прежнихъ позицій, почти не примѣнялось.

Поддержаніе связи сдѣлало послѣ Японской войны значитель-

ные успѣхи. Въ войскахъ были заведены телефоны; кромѣ отпусковъ казеннаго имущества войска, особенно въ теченіе войны, покупали много собственнаго. Реквизированные и закупленные при мобилизаціи и позднѣе автомобили также съ пользой послужили этому дѣлу. Собственно на этомъ оно и остановилось.

Другими средствами связи служили конные и пѣшіе ординарцы, посыльные и т. п. Всѣ эти средства связи были достаточны въ обыкновенное время, но часто отказывали въ бояхъ, когда, несмотря на все самоотверженіе командъ связи, послѣдняя часто нарушалась. Положеніе французскаго устава, что начальникъ, не имѣющій свѣдѣній о своей части, не имѣютъ права ссылаться на отсутствіе связи, было при русскихъ условіяхъ непримѣнимо.

Въ началѣ войны начальствующія лица не всегда внимательно относились къ условіямъ, соблюденіе коихъ требуется для правильнаго функціонированія связи. Такъ случались произвольныя перемѣны мѣстъ пребыванія безъ донесенія объ этомъ. Внутренняя связь, состоящая въ пониманіи того, что дѣлаютъ сосѣди и командованіе и основанная на изученіи распоряженій, исходящихъ отъ сосѣдей и командованія, часто отсутствовала, главнымъ образомъ вслѣдствіе непримѣненія методовъ для надлежащей регистраціи всѣхъ такихъ распоряженій.

Связь съ тыломъ и высшими штабами въ началѣ войны была иногда неудовлетворительна. Мѣры къ возстановленію телеграфныхъ линій и дорогъ въ тылу принимались медленно: нужные матеріалы заготовлены не были.

Впослѣдствіи связь работала хорошо при расположеніи на мѣстѣ. Но т. к. тыловыя дороги корпусовъ телеграфомъ не оборудывались, то при всякомъ движеніи назадъ связь иногда надолго нарушалась. Сообщеніе распоряженій при такихъ условіяхъ носило весьма часто случайный характеръ. Не всегда быстро устанавливалась связь при продвиженіи впередъ.

Распоряженія отдавались весьма часто съ послѣдующими перемѣнами или отмѣнами, обусловленными недостаточной ихъ продуманностью вначалѣ или случайными причинами, нерѣдко неосновательными, и безъ расчета времени когда они могутъ быть восприняты и осуществлены войсками.

Въ бою начальники часто держались далеко позади своихъ частей и при передвиженіи впередъ лишались возможности руководить ими. Съ 1916 г. были установлены командные пункты, но и послѣдніе бывали иногда чрезмѣрно удаленными и не давали возможности цѣлесообразно руководить боемъ.

Въ этомъ очеркѣ сконцентрированы какъ въ фокусѣ различныя недостатки тактической и боевой подготовки русской арміи. Картина получается тяжелая. Но было-бы ошибочно всецѣло руководиться этимъ впечатлѣніемъ. Въ дѣйствительности на практикѣ эти ошибки и недостатки, такъ сказать, разсѣивались. Не всѣ дѣлали ихъ въ

полномъ объемѣ, даже тѣ же самыя лица могли дѣлать въ разное время однѣ ошибки и избѣгать другихъ. Слѣдовательно онѣ не были такъ пагубны какъ въ случаѣ ихъ одновременной концентрации въ одномъ мѣстѣ. Притомъ нѣкоторыя изъ нихъ умалылись соотвѣтственными ошибками противника.

Затѣмъ, если недостаточно систематическое обученіе и не пришло въ плоть и кровь привычекъ дѣйствій, становившихся второй натурой, то съ другой стороны оно не поколебало здраваго смысла, давашаго возможность разумно относиться къ обстановкѣ и отказываться отъ дѣйствій, составлявшихъ дурное наслѣдіе отъ несоотвѣтственнаго обученія мирнаго времени.

До конца 1916 г. русская армія сохранила волю къ борьбѣ съ противникомъ. А это въ свою очередь вдохновляло ея личный составъ на соотвѣтственныя рѣшенія, считаясь съ цѣлями подлежащими достиженію больше, чѣмъ со старыми привычками или указаниями ненадлежащихъ наставленій и руководствъ.

Какъ ни было велико значеніе указанныхъ выше пробѣловъ, оно все-же, хотя и съ затрудненіями и лишней кровью, но давало возможность русской арміи исполнять свое назначеніе.

Нестолько недостаточность подготовки, сколько нравственный уровень команднаго состава мѣшалъ общему успѣху. Излишнее поклоненіе Германіи вело къ подавленію психики, къ неувѣренности въ себѣ и въ сосѣдяхъ. Послѣднее неизбѣжно влекло и недоувѣріе къ нимъ, обусловленное часто и другими причинами. Если было много честныхъ и преданныхъ дѣлу людей, то было много и другихъ, руководившихся честолюбіемъ и прибѣгавшихъ къ саморекламѣ. Главное командованіе не умѣло различать преданныхъ дѣлу отъ преслѣдовавшихъ личныя цѣли. Оно цѣнило не доблесть, а успѣхъ. За послѣднимъ гнались преимущественно въ его легкихъ формахъ, ибо серьезный успѣхъ всегда связанъ съ рискомъ неудачи. При отсутствіи успѣха не останавливались передъ его фальсификаціей. Ложь считалась дозволенной и на ней часто основывались репутаціи. Къ имѣвшимъ мужество говорить горькую правду относились неблагоприятно. Говорили они дѣло, или преувеличивали опасенія, безразлично — ихъ квалифицировали „паническими“ людьми.

Благородства по отношенію къ подчиненнымъ у высшаго команднаго состава, за немногими исключеніями, не было. Защита подчиненныхъ отъ неправильныхъ нареканій была не въ его нравахъ. Пожертвованіе подчиненнымъ съ намѣреніемъ сложить съ себя отвѣтственность встрѣчалась часто. Успѣхъ приписывался командованію, отвѣтственность за неудачи возлагалась на подчиненныхъ. По заслугамъ слишкомъ часто не воздавалось.

Ко всему этому примѣнились. Развилось особое явленіе — какой то оффиціальнѣйшій лже-оптимизмъ, всюду выставляемый на показъ и создававшій репутацію подобнымъ лицамъ, какъ людямъ съ твердымъ характеромъ. Такія лица никогда не противорѣчили и готовы

были на любяя предпріятія, замышлявшіяся командованіемъ. Они всегда на словахъ вѣрили въ успѣхъ и никогда не имѣли мужества открыто заявить объ отрицательныхъ сторонахъ предпріятія, даже если-бы они вели къ гибели дѣла. Они снимали съ себя отвѣтственность и лично мало чѣмъ рисковали — этого было для нихъ достаточно. Лишняя кровь, которая могла пролиться, ихъ не интересовала, къ сердцу своему они ея не принимали и нравственно отвѣтственными за нее себя не считали. Командованіе, безпомощное въ выборѣ людей, не чуждое угодничества передъ такъ называемымъ общественнымъ мнѣніемъ и преслѣдованія ради этого цѣлей, не имѣвшихъ военнаго значенія, вольно и невольно поддерживало такое настроеніе своихъ подчиненныхъ. Оно иногда и само являлось причиной напраснаго пролитія крови.

Въ 1916 г. было разослано начальствующимъ лицамъ письмо одного изъ офицеровъ главному командованію. Онъ въ немъ описываетъ тяжелую нравственную атмосферу, въ которой жила армія, и присовокуплялъ, что еще въ мирное время подавалъ заявленіе по начальству, въ которомъ указывалъ, что, въ случаѣ возникновенія войны, побѣдятъ нѣмаы потому, что они честны, а у русскихъ честности мало. За это письмо онъ былъ уволенъ со службы. Онъ его вспоминалъ теперь и съ горечью констатировалъ, что его предсказанія сбылись. Со скорбью слѣдуетъ признать, что авторъ письма былъ правъ: честности было мало. Какъ это ни странно, въ этомъ отношеніи служили формальной опорой дурныя стороны дѣятельности Суворова, обусловленныя не его высокой личностью, а эпохой, въ которой онъ жилъ. Этому слѣдовали, превзойдя свой образецъ, а гораздо болѣе многочисленнымъ Суворовскимъ образцамъ, требовавшимъ самоотверженія и преданности дѣлу, не слѣдовали вовсе.

Недостаточная подготовка команднаго состава и его нравственный уровень вели ко многимъ несчастьямъ, къ разочарованію и утомленію въ арміи. Это-же было одной изъ причинъ неустойчивости арміи и самага команднаго состава передъ напоромъ революціи. Небольшое число „праведниковъ“, бывшее въ командномъ составѣ арміи, не могло спасти положенія...

В. ДРАГОМИРОВЪ.